

«Пророк» А.С. Пушкина и «Мельница» А.Н. Башлачева: классические традиции в осмыслении современной поэзии

Гавриков В.А.
2006

«Пророк» Пушкина является одним из самых классических произведений русской литературы. Обращение к теме поэта и поэзии уже почти неизбежно влечет за собой актуализацию пушкинского шедевра, становящегося своего рода претекстом для произведений многих русских поэтов от Лермонтова до Маяковского. Современная поэзия продолжает развивать «вечную тему поэта», вновь и вновь «перечитывая» Пушкина.

Александр Башлачев, один из самых ярких, но пока не достаточно изученных поэтов, также не избежал влияния Пушкина. Работы на эту тему в отечественном литературоведении уже появляются. Среди них статья Ю.В. Доманского «Легенда о Поэте: Александр Башлачев и Александр Пушкин» (1); исследования С.С. Шаулова «А.С. Пушкин и А. Н. Башлачев в дискурсе постмодернизма» (2) и «Пушкин и Башлачев: Этика смерти» (3). Наше обращение к творчеству Пушкина и Башлачева, условно говоря, классика и современника, призвано обнаружить любопытные переключки стихотворения-песни Башлачева «Мельница» с великим пушкинским «Пророком».

Уже на уровне композиции заметны сходные элементы. Оба произведения имеют трехчастную структуру: в центре первой части - лирический герой до удивительного перерождения; вторая часть рисует сам момент перерождения, и, наконец, третья обращена к лирическому герою после его превращения в пророка. В этой связи интересно отметить, что в произведении Александра вторая часть не является текстовой. Звучащая (песенная) поэзия дает дополнительные семиотические возможности. Так, сам процесс перерождения в «Мельнице» не вербализирован - в структуру произведения помещается долгий гитарный проигрыш. Думается, что Башлачев намеренно противопоставляет словесное и надсловесное, принимающее у него значение сакрального. Поэтому-то и нет подробного описания самого таинства превращения в пророка – слова не в состоянии выразить суть божественного откровения. В «Пророке» Пушкина, напротив, обретение героем новых, сверхъестественных качеств является смысловой доминантой стихотворения – из 30 стихотворных строк 20 посвящены описанию перерождения. Таким образом, событийные акценты в двух произведениях расставлены по-разному: Башлачев стремится заострить внимание на причинах, приводящих человека к высшему знанию, а Пушкин – изобразить сам процесс превращения в пророка.

Кроме того, в композиции «Мельницы» заметны сквозные мотивы (в отличие от композиции «Пророка»). Так, три раза упоминается мотив «черного дыма», в самом начале: «Черный дым по крыше стелется»; затем в середине текста: «Черный дым ползет из трубочек»; и, наконец, в финальных строках: «Тех, кто поможет мне... Рассеять черный дым». Примечательно, что стихотворение замыкает именно мотив «черный дым».

Любопытны сближения и в изображении образов пространства: пушкинский лирический герой «влачится» в пустыне, а башлачевский - идет по болоту: «Топких мест ларцы янтарные // Да жемчуга болотные в сырой траве». Оба этих локуса несут нечто негативное, губительное. В обоих произведениях путь завершается в знаковом, магическом месте. У Пушкина – это перепутье (известно, что многие колдовские обряды совершаются именно на перекрестии дорог), у Башлачева – чертова мельница. Именно в этом трансцендентальном локусе человек попадает под влияние сверхъестественных сил, которые полностью изменяют его сущность.

У Пушкина высшее знание приходит извне: «И внял я неба содроганье, // И горный ангелов полет, // И гад морских подводный ход, // И дольней лозы прозябанье». Для Башлачева же истина заключена внутри человека. В одном из интервью поэт сказал: «Каждый из нас знает эту истину изначально, эту истину знает душа. И пытается тебе сообщить каждый день с утра до вечера. А ты должен ее слушать, она тебе все скажет» (4). Поэтому мельницу можно рассматривать как образ-символ, в котором потенциально скрыты как макрокосм (истина) так и микрокосм (душа). Иными словами, лирический герой попадает в жернова собственных грехов, слабостей и недостатков, которые персонифицированы в ряде поэтических образов: («ворье», «б... жирные», «парни-то все рослые, плечистые, // Мундиры чистые, погоны спороты»). Все данные «персонажи» весьма похожи на нечисть. Снаружи мельницы также действуют inferнальные силы: «Здравствуй, Мельник Ветер-Лютый Бес! // Ох, не иначе черти крутят твою карусель...» Примечательно, что «парни плечистые» здесь выступают дезертирами. Для Башлачева поэт – это не только пророк, но и воин: «На Второй Мировой поэзии // Признан годным и рядовым» (см. «В чистом поле - дожди»), поэтому дезертир, это своеобразный образ «антипоэта». У Пушкина же стать пророком человеку помогают божественные силы: шестикрылый серафим, который совершает «хирургическую» инициацию, и Господь, который воззвал к лирическому герою, тем самым дав ему новую жизнь.

В этом отношении вполне закономерно и то, что пушкинский слог, возвышенный и патетичный, замещен у Башлачева простым, иногда даже грубым языком, в котором преобладают разговорные интонации: у Пушкина проводниками к высшим истинам становятся Бог и серафим, а вот лирический герой Башлачева распят нечистой силой (отсюда сниженный язык).

Именно «мотив воскресения» становится одним из центральных мотивов, связующих оба текста. Герои обоих произведений возвращается к жизни, обретя собственную миссию. Задача у обоих пророков сходна: пушкинский - призван «глаголом жечь сердца людей», башлачевский – призван «испечь хлеба» и «накормить всех». Таким образом, очевидны библейской аллюзии, отсылающей нас к известному сюжету о хлебах (только у Башлачева изначально были не хлеба, а «три последних зернышка»). К слову, отождествление поэта и Христа является заметной тенденцией в творчестве Башлачева: «Да не жалко распять для того, чтоб вернуться к Пилату. // Поэта не взять все одно ни тюрьмой, ни сумой» («На жизнь поэтов»). Смерть и последующее воскресение пророка как у Пушкина, так и у Башлачева очевидно связаны с библейскими образами и сюжетами. К примеру, в следующих строках Башлачев отсылает к притче о сеятеле: «Пуст карман. Да за подкладкою / найду я три своих последних зернышка. / Брошу в землю, брошу в борозду - / к полудню срежу три высоких колоса».

Итак, человеку стать пророком помогают сверхъестественные силы: божественные – у Пушкина, и inferнальные – у Башлачева. Каждый пророк истину получает по-своему, но оба получают ее через боль. В «Мельнице» Башлачева находим: «Тесно, братцы. Не могу терпеть! // Да неужели не умеем мы по-доброму?» У Пушкина: «И он мне грудь рассек мечем, / И сердце трепетное вынул, / И уголь, пылающий огнем, / Во грудь отверстую водвинул». Интересен здесь и мотив огня, который объединяет оба текста. Для Башлачева огонь сила очищающая, но разрушающая: «Где зерно мое? Где мельница? // Сгорело к черту все. И мыши греются в золе». У Пушкина амбивалентность огня также присутствует: с одной стороны уголь жжет, с другой – через боль дает духовную мудрость. И Башлачев, и Пушкин мыслят поэзию страшным и болезненным даром («Да по всему видать - пропала моя голова!»).

Все вышесказанное позволяет говорить о многоаспектном влиянии пушкинского «Пророка» на создание оригинальной художественной концепции «Мельницы» Башлачева.

Литература

1. Доманский Ю.В. Легенда о Поэте: Александр Башлачев и Александр Пушкин // Северо-запад: Историко-культурный региональный вестник 3. Череповец: ЧГУ, 2000.
2. Шаулов С.С. А.С. Пушкин и А.Н. Башлачев в дискурсе постмодернизма // Материалы научно-практической конференции "Пушкин и современность". Уфа. 1999.
3. Шаулов С. Пушкин и Башлачев: Этика смерти // Известия в Республике Башкортостан. От 11.09.1999.
4. Башлачев А.Н. Интервью, данное Б. Юханову, Ленинград, 1986 // <http://www.bashlachev.net/inter3.shtml>